

Александр СОЛЖЕНИЦЫН среди учеников. Фотография рязанского периода.

МАЛОИЗВЕСТНЫЕ СТРАНИЦЫ ИЗ БИОГРАФИИ А. И. СОЛЖЕНИЦЫНА

УЧИТЕЛЬ ИЗ РЯЗАНИ

НЕШИРОКИЕ улицы с деревянными домами в центре, только-только заселенные новостройки на окраинах, железобетонные остовы строящихся заводов и видный со всех точек города величественный кремль с синими куполами-луковками. Старинный русский город сохранил еще черты древности. Такой представила Рязань перед Александром Исаевичем Солженицыным в 1956 году. Оказался он здесь по воле случая. После войны с 1949 года в Рязани жила бывшая жена Александра Исаевича Наталья Алексеевна Решетовская. Она преподавала химию в Рязанском сельскохозяйственном институте. После развода отношения восстановились, и они вновь решили быть вместе.

Были мысли о литературном труде, были первые опыты, но зарабатывать на хлеб насущный нужно чем-то более реальным: Александр Исаевич поступил на работу во вторую среднюю школу Рязани. Этой старейшей школе города — бывшей мужской гимназии — «везло» на знаменитых людей. Здесь учились академик Иван Павлов, писатель Константин Симонов, выступала Надежда Константиновна Крупская. Кто бы мог подумать тогда, что и скромный учитель физики и астрономии Солженицын тоже составит славу школе... Отнеслись к новому преподавателю в школьном коллективе доброжелательно, с пониманием. Многие знали о том, что Солженицын подвергался репрессиям, но никто не расспрашивал его об этих тяжелых годах жизни.

Уроков Александр Исаевич старался брать немного — в среднем около пят-

надцати часов в неделю. Но вел их доброжелательно и вдохновенно. Занятия его любили, и преподавателем он считался сильным и интересным. Для всех, кто его знал по школе, вплоть до публикации в журнале «Новый мир» повести «Один день Ивана Денисовича», А. И. Солженицын был только коллегой, учителем. Он с таким интересом относился к занятиям, что заподозрить его во второй большой «любви» было трудно.

Вот что вспоминает об учительствовании Александра Исаевича учитель истории школы № 2 О. Б. Суслович:

— Как преподавателя А. Солженицына очень уважали и ценили. Он всегда работал с выдумкой. Ученикам было интересно на его уроках. На урок астрономии, например, мог принести томик Толстого, Достоевского. Прочитает какой-нибудь отрывок из произведения и спрашивает, что здесь неправильно с точки зрения астрономии. Писатели ведь любят описывать звезды, но часто бывают неточны в их описании. Солженицын любил точность.

У него со всеми были ровные, добрые отношения. Он не старался ни с кем сблизиться, но никто не воспринимал это как обиду. Александр Исаевич не лез в мелочные дрязги, но, если нужно было, проявлял принципиальность. Был очень гордый и не терпел хамства. Особенно от чиновников. Некоторое время наша школа была базовой для Академии педагогических наук СССР. Однажды заучу, Александр Исаевич и я поехали в Москву, в один из институтов, за разъяснениями. Зашли в кабинет к заведующему нужного нам сектора. Тот, вальяжно развалившись в кресле, прикрываясь газетой. Мы ждали минуту, две, пять. Первым не выдержал Солженицын. Безмолвно повернулся и вышел. Мы за ним. За дверью он остановился,

еще раз пробежал табличку с надписью «доктор педагогических наук» и вздохнул: «Мне страшно читать это! Он даже на ученика не тянет».

— Были ли когда-нибудь у вас или у других учителей разговоры на литературные темы, о его ненаписанных книгах?

— Если и говорили, то на какие-то общие темы. Впервые о его книгах я разговаривал с Александром Исаевичем уже после его ухода из школы. Мы встретились в филармонии. Я поздравил Солженицына с выходом повести «Один день Ивана Денисовича». Спросил, не собирается ли он писать книгу о школе. Александр Исаевич ответил, что может быть, и написал бы, но написанное им все равно не напечатает.

И. А. Петров, в то время преподаватель физики школы № 2:

— Мы сталкивались с Солженицыным только по работе. Он энергичный, темпераментный человек. Объяснения его на уроках были захватывающими, эмоциональными. О том, что он пишет, не знал. Думал, что Александр Исаевич, так же, как и мы все, полностью захвачен учебной работой. Ребята на уроках слушали его с большим вниманием. Я часто был свидетелем его блестящих уроков.

— Он чем-то отличался от других учителей?

— Разве что несколько большей общительностью. Жил какой-то своей, внутренней жизнью. Интерес к Александру Исаевичу, конечно, был всегда. Он казался необычным человеком. Никого не допускал к себе в душу...

Гораздо мягче, раскованнее, менее осторожно Александр Исаевич вел себя с учениками. Когда он — высокий, строго одетый — входил в кабинет, класс замолчал. Не от трепетного страха — от живо-

го интереса к учителю, к предмету, который он вел.

У его ученицы, выпускницы 1962 года Натальи Тороповой (Сафоновой), случайно сохранилась тетрадка по физике с пометками Александра Исаевича. Почти на каждой странице как бы переписка, диалог с ученицей, одобряющие реплики. Оценки — не всегда...

— Я часто болела, — рассказывает Торопова, — наверное, поэтому Александр Исаевич обращал на меня больше внимания. Но мне могло так казаться. С приходом нового учителя физики у меня пробудился интерес к предмету, стала получать пятерки. Он умел вдохновлять, вселять веру в себя. Все в классе занималось физикой с большой радостью, удовольствием. Александр Исаевич ввел свою систему преподавания, по типу институтской. У нас были коллоквиумы, мы сдавали зачеты, часто ставили интересные опыты. Мне кажется, что Александр Исаевич с таким же успехом мог преподавать и литературу. Главное было в том, как он это делал.

Многие коллеги по школе вспоминают, что после уроков Солженицын никогда не задерживался в учительской, был редким участником праздничных сборов. Теперь мы знаем, что он стремился скорее к столу, к рукописи... Но тогда это казалось некоторым пренебрежением к обществу. Праздники уходили и приходили, а главы новых книг одна за другой откладывались в стол.

Но для общения с ребятами Александр Исаевич время находил всегда. Беспорочно вел фотографический и астрономический кружки. Как вспоминает одна из его учениц, Людмила Алексеевна Черногорова, любовь к звездам Солженицын пробудил у нее и многих ее товарищей на всю жизнь. Собирали Александр Исаевич ребята обычно вечерами, и они шли к кремлю, где учитель рассказывал о небесных тайнах созвездий. И тогда в поэтическом повествовании раскрывались перед ребятами его литературный дар, тонкая душа. В эти минуты вечернего общения часто хотелось спросить у любимого учителя еще очень о многом, кроме звезд, например, откуда шрам на лице... ореол таинственности витал над Александром Исаевичем. Но спросить его о чем-то, кроме уроков, школьники не решались.

Солженицын не слишком любил принимать в доме гостей, но когда ребята приходили навещать его, больного, был рад юным визитерам. Мальчишки в знак благодарности рубили дрова, копали огорожок. Часто закрытый, как в раковине, от взрослых, Александр Исаевич был более открыт для ребят. Детей он любил. Но его педагогический талант и желание учить детей были слабее, чем потребность писать. Хотя, если бы не литература, сколько бы ребят он еще научил «читать» звезды...

Ирина ЖУКОВА

РЯЗАНЬ